

После того как уездный судья дал необходимые указания Шэнь Ляню, он, всё ещё испытывая некоторую тревогу, собрал свободных служащих из уездного управления. Он повторил им свои слова, сказанные Шэнь Ляню, и строго приказал, чтобы они приложили все усилия для содействия в расследовании дела о работоторговцах.

Среди этих служащих были те, кто никогда раньше не работал с Шэнь Лянем. Изначально они относились к нему с завистью и недовольством, считая его изнеженным "белолицым" юнцом, неожиданно оказавшимся в центре внимания. Однако, видя, что коллеги хвалят его, а уездный судья лично поручил ему руководство делом, их мнение стало меняться.

Несмотря на похвалу и доверие со стороны судьи, Шэнь Лянь сохранял спокойствие и скромность, ни на мгновение не проявляя высокомерия.

Когда уездный судья закончил давать указания своим подчинённым, он поднялся и покинул зал. Остальные разошлись по своим делам.

Шэнь Лянь же направился в тюрьму, чтобы расспросить Ван Ху о результатах допросов.

Ван Ху, зная, что уездный глава только что лично поддержал Шэнь Ляня, теперь относился к нему с ещё большим уважением. Услышав, что Шэнь Лянь хочет узнать о беглецах из банды работоторговцев, он не сдержался и, сплюнув, выругался. "Чёрт побери! Господин Шэнь, вы были абсолютно правы! Эти мерзавцы скрыли точное число сбежавших. По их описаниям вообще невозможно составить полный портрет. Сколько бы мы их ни пытали, они ни за что не признаются, сколько их на самом деле сбежало!" — с раздражением сказал Ван Ху.

Шэнь Лянь ненадолго задумался, а затем нерешительно спросил: "Пытки применяли?"

Ван Ху кивнул, его лицо при этом выглядело угрюмо.

"Конечно! За то, что эти отбросы сделали, их бы следовало четвертовать! Но, даже под пытками, они не раскрыли никакой информации. Нам оставалось только усиливать давление".

Выслушав, что даже применение пыток не дало результата, Шэнь Лянь слегка кивнул, давая понять, что всё понял. Окинув взглядом свою одежду, он спокойно распорядился: "Брат Ван, отведи всех этих пленников в камеру пыток. Я скоро подойду и лично проведу допрос".

Ван Ху хотел было сказать, что может знать о допросах какой-то книжник? Ведь этим должны заниматься они, суровые и опытные люди. Но, вспомнив, как Шэнь Лянь слаженно и эффективно выстроил работу в последние дни, он решил, что тот, вероятно, разбирается и в этом. Поэтому он ничего не сказал, а просто отправился выполнять приказ.

Когда Ван Ху ушёл, Шэнь Лянь направился к управляющему уездного управления. Он попросил у него несколько полос ткани и закрепил свою просторную учёную одежду, сделав её

более удобной для действий.

Приведя себя в порядок, Шэнь Лянь неспешно отправился в камеру пыток. Там уже находились шестнадцать схваченных работорговцев, связанных и с явными следами предыдущих допросов на теле.

Войдя, Шэнь Лянь окинул их взглядом. В их глазах читались разные эмоции — страх, ярость, отчаяние.

Ван Ху с удивлением посмотрел на нынешний вид Шэнь Ляня, однако ничего не сказал, лишь молча встал рядом, ожидая, что тот будет делать дальше.

Шэнь Лянь обвёл пленников взглядом и, не тратя времени на лишние слова, прямо заявил: “Я знаю, что у вас нет особой верности друг другу. Вы молчите о тех, кто сбежал, надеясь, что они смогут вас спасти”.

Слова Шэнь Ляня, казалось, затронули их слабое место. Некоторые из них слегка подняли головы, глядя на него глазами, полными крови.

Шэнь Лянь, оставаясь невозмутимым, продолжил: “Но я скажу вам прямо: это пустые мечты. Они не вернуться, а если и вернуться, то не смогут прорваться через охрану. Вы всё равно не выберетесь отсюда. Так почему бы вам не сделать так, чтобы они разделили вашу участь? По крайней мере, под землёй у вас будет компания”.

Слова Шэнь Ляня заставили некоторых задуматься, но Ван Ху тихо пробормотал про себя: Если бы это был я, я бы точно не сдал своих сообщников. Зачем это делать? Всё равно же надежды нет.

Закончив говорить, Шэнь Лянь перевёл взгляд на орудия пыток, стоявшие в стороне. Он медленно добавил: “Эти инструменты вы уже пробовали. Похоже, они не производят на вас большого впечатления. Тогда давайте испытаем кое-что новенькое. Посмотрим, сколько из вас смогут это выдержать”.

В этот момент один из служащих забежал в комнату и передал Шэнь Ляню необычное устройство.

“Спасибо”, - вежливо поблагодарил его Шэнь Лянь и, подойдя к работорговцам, продемонстрировал им инструмент. — “Знаете, что это?”

В комнате стало тихо.

Шэнь Лянь не обратил внимания на молчание и с той же невозмутимостью продолжил: “Это нож для снятия шкуры с овец”.

Эти слова принесли с собой тяжёлую, давящую тишину.

“Ну что ж, давайте попробуем на ком-нибудь из вас”.

Раздался душераздирающий крик. В комнате снова стало тихо, но на этот раз тишина была зловещей.

Шэнь Лянь бросил инструмент на поднос и велел надзирателю: “Унесите его в сторону. Если никто не заговорит, облейте раны солёной водой, а потом начнём второй раунд”.

“Понял”, - ответил надзиратель с заметной дрожью в голосе.

Когда нож был готов, Шэнь Лянь указал на пожилую женщину среди пленников и спокойно произнёс: “Один мужчина, одна женщина, чередуем для справедливости. Следующая ты”.

“Нет, не надо!” - кричала старая женщина с раздирающей душу болью, когда стражники, словно маленького цыплёнка, вытащили её наружу.

Да так громко кричала, что даже стражники, которые шли рядом, начали испытывать некоторое сожаление, раздумывая, не стоит ли заменить её кем-то другим.

Шэнь Лянь, возможно, догадался о их мыслях и тихо произнес: “Сейчас она вызывает жалость, но те парни и женщины, которых она похищала, страдали куда больше. Тогда кого они пощадили?”

Одной фразой Шэнь Лянь привел в чувство тех стражников, которые ранее думали, что он поступает жестоко.

Верно! Эти торговцы людьми настоящие звери, достойные тысячи смертей. Что за жалость к стае таких тварей?

Подумав об этом, стражники ожесточились, их руки уже не дрожали. Они немедленно привязали старую женщину к скамье, причем крепче, чем предыдущего мужчину.

Шэнь Лянь дождался, пока стражники завершат подготовительные работы. Держа нож в руке, он взглянул на мутные глаза старой женщины и спокойно произнес: “Хорошо, давайте начнем”.

“Нет, не надо!”

Старая женщина, глядя на острие ножа, которое медленно приближалось к ней, вспомнила

страшные сцены, виденные ранее. В страхе она больше не могла удерживаться и закричала: “Я скажу, всё скажу!”

Рука Шэнь Ляня, поднявшая нож, замерла на мгновение. Он с легким сожалением посмотрел на неё и спросил: “Ты действительно готова всё рассказать?”

“Да, что ты хочешь знать, я всё скажу!”

Старая женщина была настолько напугана, что совсем потеряла самообладание. Она плакала, лицо её было грязным, а из-под неё доносился неприятный запах.

Все опустили взгляды и увидели, как под ней растеклась жёлтая лужа — от страха она обмочилась.

Шэнь Лянь слегка поморщился, с отвращением отступил на шаг назад и обратился к стоявшему рядом стражнику: “Уведите её для допроса. Если снова начнёт лгать, то верните её, и я позабочусь о том, чтобы она как следует осознала свои ошибки”.

“Слушаюсь”, — ответил стражник, грубо схватил старуху за руку и, не проявляя ни капли жалости, потащил её прочь.

Когда женщину увели, Шэнь Лянь перевёл взгляд на группу людей неподалёку, словно выбирая следующего.

Кто-то не выдержал этого напряжения, напоминая овцу перед забоем, и, сорвавшись, закричал: “Я скажу! Я тоже всё скажу!”

Через некоторое время в камере послышались хаотичные крики о пощаде — все торговцы людьми наперебой пытались выдать своих сообщников.

Шэнь Лянь, сдерживая эмоции, спокойно наблюдал за ними. Он слегка вздохнул, словно с сожалением, и сказал:

“Вот как! Значит, игра дальше не получится... А я ведь приготовил ещё кое-что интересное”.

Ван Ху, стоявший рядом, услышав его бормотание, нервно сглотнул. В голове он дал себе обещание: если не хочет проблем, то никогда больше не станет переходить дорогу Шэнь Ляню.

“Вот ведь чёрт! Это просто ужасно. Он не только спокойно творит такие страшные вещи, но и умудряется быстро возвращаться к своему обычному изысканному облику. Его способность менять выражение лица просто пугает”.

В представлении Ван Ху подобное могла проверить разве что его мать. Но даже она не была так страшна, как этот человек.

Пока Ван Ху размышлял, Шэнь Лянь уже отложил нож в сторону и обратился к нему: “Брат Ван, позови художника, пусть как можно быстрее нарисует портреты тех, кто сбежал. Я подозреваю, что у них есть связи с верхушкой. Если поймаем их, возможно, сможем схватить ещё больше людей”.

“Слушаюсь!” — ответил Ван Ху с заметным рвением и тут же отправился выполнять поручение.

Торговцы людьми, похоже, окончательно сломались после методов Шэнь Ляня. На последующем допросе они сотрудничали как никогда охотно, и уже вскоре были предоставлены данные о сбежавших, а художник быстро нарисовал их портреты.

С этими рисунками в руках Ван Ху с волнением направился к месту, где находился Шэнь Лянь. Никогда ещё ему не удавалось раскрыть дело так быстро. Всего за два дня они не только поймали преступников, но и выбили из них все показания, почти без лишних усилий.

Ван Ху всё больше восхищался методами Шэнь Ляня, размышляя о том, как многому он мог бы научиться, если останется рядом с ним.

Погружённый в свои мысли, Ван Ху уже подошёл к двери комнаты, где был Шэнь Лянь. Перед тем как постучать, он вспомнил, что тот любит тишину, и осторожно постучал чуть тише.

Шэнь Лянь, занятый разбором деталей дела, услышав звуки снаружи, не поднимая головы, спокойно сказал:

“Входите”.

Ван Ху глубоко вдохнул, сделал шаг вперёд и вошёл.

“Шэнь цзюйжэнь, эти люди всё рассказали. Оказалось, сбежало не трое, а четверо. Вот их портреты и описания”.

С этими словами Ван Ху положил перед ним все материалы.

Шэнь Лянь, вновь ставший внешне спокойным и утончённым, как и всегда, уже успел привести в порядок одежду. Сидя с чашкой чая, он больше напоминал молодого наследника из знатной семьи, чем жестокого дознавателя, наводившего ужас на торговцев людьми.

Шэнь Лянь поблагодарил Ван Ху за проделанную работу, взял в руки портреты и начал просматривать их один за другим. Когда он остановился на одном из рисунков, его взгляд на

мгновение изменился.

Узнав знакомое лицо, он мысленно вздохнул: “Как я и думал, среди сбежавших оказался Хуан Ци. Интересно, откуда у него столько везения, что каждый раз удаётся ускользнуть?”

“Шэнь цзюйжэнь, что-то не так с этим портретом?” — осторожно спросил Ван Ху, заметив перемену в его выражении лица.

“Нет, всё в порядке. Прикажи художникам сделать больше копий этих портретов. Распорядись отправить людей проверять у городских ворот. Также разместите разведчиков неподалёку. Если кто-то покажется подозрительным, сразу арестуйте”.

“Понял!” — ответил Ван Ху с полной уверенностью и тут же отправился выполнять поручение.

Шэнь Лянь, глядя на уходящего Ван Ху, задумался о чём-то. Постукивая пальцами по столу, он в конце концов добавил: “И ещё. Пусть один отряд с портретами обойдёт городские постоянные дворы и гостиницы. Пусть на улицах расскажут жителям: если кто-то видел этих четверых, пусть сообщат нам за вознаграждение”.

“Понял”, — без малейших колебаний ответил Ван Ху и, взяв портреты, вышел.

Когда все необходимые распоряжения были отданы, а Ван Ху занялся их выполнением, Шэнь Лянь позволил себе немного выдохнуть.

Теперь, когда портреты на руках, поимка преступников была лишь вопросом времени.

Однако, думая о Хуан Ци, всё ещё находящемся на свободе, Шэнь Лянь не мог долго оставаться спокойным. Посидев немного, он поднялся и отправился обсуждать с коллегами из управления дальнейший план захвата.

Пока тот человек не будет пойман, Шэнь Лянь не сможет обрести покой. А если этот Хуан Ци решит связаться с Линь Сяоцзю, что тогда?

Эти мысли не давали ему покоя.

#

Тем временем в городе настало время ужина, и небольшая лавка Линь Сяоцзю была полна посетителей. Однако сегодня за столиками говорили не о привычных житейских делах, а о слухах, связанных с появлением торговцев людьми.

Женщина с ребёнком, держа малыша на руках, села за столик после того, как сделала заказ. Она обратилась к сидящей рядом старшей даме: “Вы слышали?”

“О чём это?” — вежливо откликнулась та, с выражением искреннего любопытства на лице.

“О торговцах людьми!” — Женщина посадила ребёнка рядом с собой и, возбуждённо понижая голос, начала рассказывать: “Когда я выходила из дома, видела, как чиновники ходят по улицам с портретами этих преступников, расспрашивая всех подряд. Я взглянула на эти портреты — страшное зрелище! Эти торговцы выглядят просто ужасно, такие свирепые лица, жуть берёт”.

“Вот это да, страшно-то как!” — Старшая дама ужаснулась, искренне поражённая услышанным. “Эти проклятые торговцы людьми, неужели они объявились в ваших краях? Иначе зачем чиновникам идти к вам с этими портретами?”

“Думаю, нет... Наверное, нет?” — Женщина явно не ожидала такого предположения и теперь выглядела встревоженной.

“А вот и нет! Если бы эти торговцы не промышляли где-то рядом, зачем тогда чиновникам так стараться и искать их у вас?”

Женщина, которая просто хотела поделиться слухами и похвастаться участием в поисках, не предполагала, что услышанное может оказаться настолько серьёзным. Теперь, услышав слова старшей дамы, она испугалась ещё больше: “Что же теперь делать? Когда я уходила, моя дочь оставалась дома одна!”

В панике она позвала официантку, намереваясь попросить упаковать её еду с собой, чтобы поскорее вернуться домой.

Люди вокруг, услышав их разговор, заметили, что женщина сильно взволнована и к тому же с ребёнком, поэтому поспешили её успокоить. Один из мужчин сказал: “Тётушка, не волнуйтесь так. Я тоже видел, как чиновники расспрашивали людей, показывая портреты”.

Женщина остановилась и, слегка растерянная, повернулась к нему: “И что это значит?”

Мужчина, заметив её замешательство, добродушно улыбнулся и объяснил: “Думаю, они пока не знают, где прячутся торговцы людьми, поэтому и расспрашивают всех подряд. Раз так, вам не стоит так переживать. Просто вернитесь домой и следите за ребёнком, тогда ничего плохого не случится”.

После его слов женщина немного успокоилась, тихо выдохнула и, смущённо улыбнувшись, вернулась на своё место. Однако в её мыслях всё ещё звучало беспокойство: надо быстрее поесть и вернуться домой. А ещё захватить побольше еды на вынос. Пока всех торговцев

людьми не поймают, из дома выходить не стоит.

Между тем, мужчину, который давал советы, начали расспрашивать окружающие. Один из них с интересом спросил: “Уважаемый, откуда вы знаете такие подробности? Может, у вас в управлении кто-то работает?”

Тот с гордостью раскрыл веер, несколько раз обмахнулся и, с лёгкой насмешкой, ответил: “Такие очевидные вещи и так понять можно, зачем тут какие-то связи?”

Ответ звучал настолько самоуверенно, что у спрашивавшего даже руки зачесались. Однако, глянув на одежду и манеры мужчины, он решил не связываться и молча вернулся на своё место.

Мужчина, заметив его недовольный взгляд, совершенно не обратил на это внимания. Он спокойно ждал свой заказ, время от времени посматривая на Линь Сяоцзю, занятого у плиты. Казалось, он о чём-то думал.

Сегодня Линь Сяоцзю услышал немало сплетен и успел понять, как именно Шэнь Лянь занимается поимкой преступников. С одной стороны, он восхищался его эффективностью, а с другой — невольно переживал, сможет ли тот выдержать такую нагрузку.

Из-за этих мыслей его работа слегка замедлилась. Лишь когда кто-то рядом окликнул его, он пришёл в себя.

“Маленький хозяин, что с тобой?” — спросила его тётушка Чэнь, заметив его задумчивость.

Линь Сяоцзю покачал головой, не желая признавать, что переживает за Шэнь Ляня.

Тётушка Чэнь, видя его замешательство, не стала задавать лишних вопросов. В этот момент появился новый покупатель, и она ушла к нему.

“Маленький хозяин, а когда обычно открывается ваша лавка?” — внезапно раздался рядом глубокий, слегка бархатистый голос.

Линь Сяоцзю поднял глаза и увидел перед собой высокого мужчину с красивыми миндалевидными глазами. Тот смотрел на него с заметным интересом.

Хотя Линь Сяоцзю почувствовал что-то странное в этом взгляде, злого умысла он не заметил. Решив, что тому просто любопытно увидеть управляющего магазином, он спокойно ответил: “Обычно мы открываемся около десяти утра”.

Мужчина кивнул, не уточняя ничего больше, и сказал только: “Понял”.

Затем он заказал две бутылки молочного чая с шариками тапиоки (жемчужинами) и вышел.

Линь Сяоцзю показался этот клиент немного странным, но в чём именно заключалась его странность, он сказать не мог. Решив, что это просто показалось, он вернулся к работе. Тем более что уже зашли новые посетители, и времени на размышления больше не оставалось.

#

В одном из укромных уголков неподалёку от лавки Линь Сяоцзю прятался мужчина, закутанный с ног до головы, что делало его внешний вид довольно странным. Он злобно сверлил взглядом Линь Сяоцзю, который как раз разносил блюда гостям, и так сильно сжал кулаки, что побелели пальцы.

Этот мужчина — Хуан Ци. Он никак не ожидал, что их организация, которая без проблем орудовала в стольких местах, вдруг потерпит крах в таком маленьком городке. Причём крах этот был полным: всех их поймали.

В ту ночь Хуан Ци был снаружи, гонялся за одной сбежавшей девушкой. На обратном пути он как раз наткнулся на прибывших в их логово стражников. Не раздумывая, он сразу сбежал, решив отправиться к их главному покровителю и попросить помощи.

Но кто бы мог подумать, что эти чертовы стражники среагируют так быстро: они не только закрыли городские ворота, но и отправили многочисленные отряды для поимки тех, кто ещё мог скрываться.

И вот, спустя всего одну ночь, по городу уже развесили их портреты! Очевидно, что вырваться наружу было невозможно.

Каждый раз, вспоминая, как трое его сообщников, с которыми он сбежал, были пойманы у самого выхода из города из-за плохо продуманных маскировок, Хуан Ци испытывал острую досаду.

Он понимал: достаточно было сбежать хотя бы одному из них, чтобы всех остальных можно было вызволить. И тогда они снова могли бы жить так же беспечно, как раньше.

Но теперь всё это осталось лишь мечтой.

Хуан Ци злобно смотрел на Линь Сяоцзю. В его сердце разрасталась тёмная ненависть. Он хорошо помнил, что среди тех, кто ворвался в их логово, был муж Линь Сяоцзю. Казалось, тот командовал операцией. Более того, этот муж всегда относился к Линь Сяоцзю с особой заботой.

"Если мне не выжить, то хотя бы кого-то забрать с собой!" — подумал Хуан Ци. И лучшим

вариантом для мести, несомненно, был Линь Сяоцзю.

Однако для этого ему нужен был сообщник.

Подумав об этом, Хуан Ци вспомнил одного человека с неприятной внешностью. Кинув последний взгляд на Линь Сяоцзю, он холодно усмехнулся, развернулся и исчез в тёмном переулке.

#

В это время Сюй Дачжуан сидел у себя дома. У него уже несколько дней не было денег, а его старуха-мать в последнее время начала вести себя странно: она настаивала, чтобы он не выходил из дома, утверждая, что собирается найти ему хорошего мужа. Причём такого, который, как и Линь Сяоцзю, будет зарабатывать деньги и содержать их семью. Пока же она потребовала, чтобы сын посидел дома и дождался "сватов".

Сначала Сюй Дачжуан хотел послушаться мать, но стоило ему только заикнуться о выходе на улицу, как та сразу устраивала истерику с криками, угрозами и слезами. Ещё и заявила, что больше денег ему давать не будет. В итоге, устав от её выходок и оказавшись без средств, он решил подчиниться.

Сегодня он попросил кого-то принести ему фунт свиной головы, добавил к этому фунт алкоголя и расположился во дворе, чтобы поесть.

Жуя мясо и запивая его вином, Сюй Дачжуан размышлял: что он сделает, если его новый супруг окажется не таким успешным, как Линь Сяоцзю. Вдруг его размышления прервал шум у ворот.

Он слегка замер, удивлённо обернулся, посмотрев в сторону звука. На его лице отразилось недоумение. Чуть погодя, словно догадавшись о чём-то, он неуверенно поднялся, пошатываясь, и медленно направился к воротам.

<http://bllate.org/book/15132/1337411>